

Когда он уже собирался закрыть дверь, она поймала его за запястье и совершила самый эгоистичный поступок в своей жизни. Она спросила с большей прямоотой, чем намеревалась: "Ты женишься на мне?"

"Что?" - спросил он, широко раскрыв свои изумрудные глаза. Он выглядел изумленным, но не отталкивающим.

Ее пронзила волна боли, она не закричала, ей приходилось проходить и через худшее, но ее голос был грубым, когда она повторила: "Выходи за меня замуж".

Она наблюдала, как на его лице отражаются эмоции, но ни одна из них не была плохой. Он посмотрел в ее глаза, от изумрудных до медовых, и сказал: "Да".

Схватка ударила ее как удар, она видела пятна, но если они собирались сделать это, она хотела, чтобы не было никаких сомнений в том, кому принадлежит ребенок. Шанс, что она не проживет достаточно долго, чтобы стать матерью, постоянно присутствовал в ее сознании, и если она не сможет быть рядом с этим новым маленьким человеком, она хотела подарить своему сыну отца.

Ей было слишком больно, чтобы говорить об этом красноречиво, Лайалл был бы потрясен. Кивнув самой себе, в ответ на призрачные укоры брата, она сказала: "Тогда поезжай в суд, я не хочу, чтобы мой сын родился бастардом".

Гарри, милый, внимательный Гарри, попытался быть благоразумным: "Хоспи-".

Наоми не чувствовала себя разумной. "Мы поженимся сегодня!" - закричала она, когда по ее телу прокатилась очередная волна.

Больница была бы более разумной идеей.

Пока он оформлял документы на стоянке у мэрии, она не могла ничего понять. Она лишь отметила, с какой быстротой Гарри провел процедуру, и спросила, хочет ли она взять его имя.

Она взяла.

Наоми Певерелл едва успела войти в двери больницы, как ее сын начал тянуться к воздуху.

Он был прекрасен, их сын.

"Как ты хочешь его назвать?" спросил Гарри, облокотившись на край больничной койки и зачесывая назад волосы с ее лица, пока врачи чистили и осматривали их сына.

"Не знаю", - слабо пробормотала она, - "Люпин Певерелл".

Гарри хмыкнул, а затем спросил: "Имя?" Его глаза были яркими, и она пожалела, что не может лучше сосредоточиться.

"История", - тихо сказала она, - "история, магия и естественные науки были моими любимыми предметами".

Гарри усмехнулся: "История, да? Ну, как городской библиотекарь, я хочу, чтобы вы знали, что ваш муж знает много исторических имен".

То, с каким восторгом он произнес "ваш муж", согрело ее до самых кончиков пальцев. Брак с ним не был ошибкой.

"Кто-то, кто был великим человеком, - предложила она, - исследователь, кто-то... кто-то научный".

Он улыбнулся: "Научный? Но не ученый?"

Она кивнула, гадая, почему врачи так долго медлят.

Пальцы Гарри продолжали перебирать ее волосы. Она на мгновение закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновениями. Необъяснимым образом он был ее.

"Э... Теодор Рузвельт? Он был 26-м президентом Америки и исследователем".

Ее глаза распахнулись, и она улыбнулась: "Тедди".

Она не так уж много знала об истории магглов, но постаралась прочитать о некоторых крупных мировых лидерах и событиях, произошедших за последние сто лет. Америка показалась ей странным и большим местом, она всегда хотела там побывать, и, возможно, если бы ей это удалось, она бы провела расследование...

"Это ваш сын, совершенно здоровый мальчик", - сказал доктор, укладывая младенца на руки, - "Десять пальцев на руках и десять на ногах".

"Теодор Люпин Певерелл, - шепотом поприветствовала она ребенка. Он был таким маленьким, но при этом извивался, как и в последние месяцы, с большей силой, чем положено такому крошечному человеку.

Гарри положил свою руку на ее руку и на спину их сына. "Тедди", - повторил он с мягким

благоговением.

Сердце у нее екнуло. Видя, как он смотрит на ее сына, как он смотрит на нее, прижимая сына к своей испуганной груди, она была окружена большей любовью, чем думала, что когда-либо будет иметь; до сих пор ее жизнь казалась расточительной.

Желание жить, жить с новым мужем и сыном переполняло ее, когда Гарри поцеловал шрам на краю ее разрушенных губ, а затем поцеловал лоб их новорожденного. Он начал шептать самые приятные ласки их сыну, и она знала, что он будет рядом, всегда будет рядом со своим сыном.

И она знала, что обменяла бы все секреты, вернулась бы назад и переписала бы само время, чтобы избавиться от того, чему научилась. Гарри и Тедди добились того, чего Грейбек так и не смог достичь.

Она боялась за себя, потому что ради жизни, которую она держала в своих руках, ради мужчины, который был рядом с ней, она готова была променять все, чтобы быть с ними.

оОо

Несмотря на страх, несмотря на все возрастающую боязнь ночи, следующие несколько месяцев были лучшими в ее жизни.

Гарри с лихвой справлялся с уходом за малышом, так что иногда ей приходилось бороться за то, чтобы сделать работу по дому до того, как он до нее доберется. Чем больше она узнавала его, тем невероятнее он становился. Он бесконечно заботился о ней, больше, чем, по ее мнению, могла бы ожидать женщина, состоявшая в браке "под дулом пистолета".

Но из всего, что она узнала о муже: что он потрясающе готовит, ботанически учится и душераздирающе добр, - именно в тот день, когда Тедди перекрасил волосы в розовый, потом в голубой, потом в черный, потом в коричневый, а потом снова остановился на розовом, все между ними изменилось.

Как сказать мужу-магглу, что его ребенок может менять цвет, потому что он волшебник, а его мать - ведьма?

Ответ: Муж борется с обратным.

"Я должна тебе кое-что сказать", - сказали они вместе.

И оба поспешно сказали, прежде чем другой успел закончить: "Я ведьма". "Я волшебник".

Они моргнули друг другу: "Что ты сказал?"

Затем Гарри зарылся лицом в изгиб ее шеи, его тело сотрясилось от подавляемого смеха. Её собственный смех подхватил её, и они оба завывали от смеха. Тедди, их маленький метаморфмегас - Мерлин, он собирался попасть в такие неприятности - с интересом смотрел на своих родителей.

И тут малыш тоже начал смеяться, его первый смех.

Наоми и Гарри тут же принялись ворковать над ним. Тедди, в свою очередь, казалось, прекрасно понимал, что он - зеница ока родителей, и радовался этому.

Позже вечером она спросила: "Так ты волшебник, Гарри?".

Он усмехнулся: "Ты первая, кому я рассказал. Моя приемная семья знала, конечно, и несколько моих хулиганов. Ну, они не знали, что я волшебник, но эти дети, должно быть, поняли, что что-то не так. Но я никому не рассказывал".

Она нахмурилась: "Значит, ты не ходил ни в одну из школ?"

Он вздохнул: "Хотелось бы. Нет, мои приемные родители не позволили бы. У меня был сундук со старыми вещами моих родителей, старая палочка отца - или я думаю, что это его палочка, думаю, это может быть мамина, и их старые учебники".

"Самоучка?" - спросила она, гадая, насколько он силен, а насколько искусен на самом деле. Будучи самоучкой, он мог зайти так далеко.

Он кивнул: "Но вы учились в Хогвартсе? Каково это?"

"Это волшебный замок", - отмахнулась она, - "с магией".

Он щекотал ее, пока она не захрипела и не задышала: "Прекрати, прекрати, ты разбудишь Тедди!" - умоляла она.

Он поцеловал ее до бесчувствия, а затем прикусил нижнюю губу: "Расскажи мне о Хогвартсе". Он вытянулся рядом с ней под одеялом.